

З а высокой грядой Чаткальского хребта занималось летнее утро и все шире захватывало синим рассветом горы.

Чем ниже мы спускались к подножью отрога, тем явственнее слышался шум реки, перекаत्याющей валуны. Брызгами воды и ключьями пены встретил нас на переправе ревущий Ташкескенсай. Лошади, робко ступив в воду, с расчетливой осторожностью пошли одна за другой. Недаром в народе говорят: «конь видит дорогу

ногами». Именно так, будто прошупывая дно, шли лошади. Ловко лавируя среди подводных камней, они доставили нас на противоположный берег. В тени берез мы спешили и после короткого отдыха направились правым берегом реки к снежникам.

Еле приметная тропа то стремительно взлетала на каменистые кручи, то проворной змейкой сбегала вниз, вела тенистым берегом Ташкескенсяя, шумно катившего свои воды с белых вершин Чаткальского хребта.

Постепенно отступили назад туркестанские березы, и лишь кое-где виднелась низкорослая арча с распластанными по земле 20—30-метровыми ветвями. Здесь, среди гор с резко пересеченным рельефом, во время зимних ветров снег ложится неравномерно. В одних местах он выдувается, в других — скапливается в огромные сугробы, образуя над притихшими подо льдом реками своеобразные мосты. Спрессованный снег может не растаять за все лето. Вот и теперь по нему, как по размягченному в жаркий день асфальту, легко и уверенно шли наши лошади. Со стороны реки донесся пронзительный крик.

— Кто там кричит, надрывается?— придержав лошадь, спросил я у Олега Владимировича Савича, сотрудника Чаткальского биосферного заповедника.

— Похоже на предостерегающий сигнал сурка Мензбира,— ответил он, как мне показалось, не очень уверенно.— Странно...— Откуда им быть здесь, они живут намного выше.

Оставив лошадей на попечение лесника Алимбая Хожанова, мы подобрались к краю террасы и заглянули вниз. На том берегу у кромки воды мирно паслась крупная свинья, а рядом с ней резвился выводок поросят-полосатиков. Чуть выше, пережевывая листья ревеня, кормился кабан-секач.

Крик повторился, и тут мы увидели на узкой полоске нашего берега мечущегося в отчаянии кабанчика. Он пытался пересечь бурный поток вслед за благополучно переправившимся семейством.

Слева от нас ожила осыпь, посыпались в воду мелкие камешки. Присмотрелись — увидели среди кустов бегущую вверх по склону горную козу с козленком.

Несмотря на макушку лета, в высокогорье только пришла весна. Она сгоняла со склонов снег, торопливо и весело бежали ручьи. По долинам пышным ковром расстилались поля, густо усеянные цветами. Каких только цветов тут не было! За бледно-фиолетовой поляной из эремусов Регеля шли приземистые кустики Родиолы разнозубчатой с нежно-голубыми цветами. В небольшой мочажинке, в соседстве с золотой россыпью из тюльпанов Кауфмана на всю округу красовался единственный кустик купальницы алтайской.

На каждом стебельке плотно прилегали друг к другу чашелистики, образовав необычайной красоты оранжевый шар со слабым запахом. Красив-то красив, но ядовит!

Привал. Я долго слежу взглядом за парящим в стороне белоголовым сипом. Он тщательно просматривает склоны в поисках павшего животного или объедков после пиршества ночных хищников. Когда птица направляется в нашу сторону, я хватаюсь за фоторужье в надежде сфотографировать ее в полете, но всякий раз она отворачивает в сторону. Вот досада!

— Что, далеко летает?— как бы, между прочим, поинтересовался Алимбай, занятый приготовлением ужина.

— Далековато!— вздыхаю я.

— Больно-то не огорчайся,— утешил он меня,— возьми спальный мешок, выверни мехом наружу и положи его вон на тот бугорок, сип к тебе сам прилетит.

Проверим...

Через пять минут я уже сидел в кругу друзей и пил чай, с надеждой поглядывая то на парящего вдали сипа, то на бугорок, где лежал спальный мешок. Сейчас он издали был похож на павшего горного козла. Вдруг птица прервала однообразное парение, взмахнула крыльями, направилась в нашу сторону. Подлетая к бугру и настороженно осматривая моего «козла», сип замедлил парение и, поддерживаемый восходящими потоками теплого воздуха, почти завис.

- Теперь фотографируй, сколько твоей душе угодно,— говорит Алимбай. Он доволен не меньше меня удавшейся хитрости.

То ли разгадав обман, то ли испугавшись нашего присутствия, сип резко свернул в сторону и, набирая высоту, улетел к снежникам.

За ужином Алимбай бросил случайный взгляд на противоположный склон и тихо сказал:

- Смотрите, кто к нам в гости пожаловал!

Метрах в трехстах от нас неторопливым шагом брел по склону белокоготный медведь, четко выделяясь на фоне зелени своей бурой шубой. Временами он останавливался, рылся в земле, вывернул попавшийся ему на пути камень и, слизнув личинок, пошел дальше. Наткнувшись в лощинке на снежный лоскут, дважды перекувыркнулся на нем и, проехав на животе вниз, замер, пораженный открывшейся перед ним необычной картиной. Присев на куцый хвост, медведь долго смотрел в недоумении на пасущихся внизу лошадей, людей, спокойно сидящих возле палатки. Ну и что? Убедился в безопасности, пошел не спеша по своим делам.

- Удивительно миролюбивый медведь, идет вблизи людей и лишь помахивает хвостиком-помпоном,— говорю я Олегу Владимировичу. И слышу в ответ:

- А чего ему бояться? Он у себя дома да еще под охраной, как и все здесь, в Чаткальском заповеднике.

На следующий день, когда поднялись из распадка на заросший травой склон, мы обратили внимание на свист, временами похожий на пронзительный крик. В низине на валуне сидел крупный грызун темно-коричневого цвета и надсадно кричал. На его зов отовсюду из нор выбрались другие и, заняв наблюдательные пункты на камнях, с нескрываемым

любопытством принялись рассматривать незваных гостей, то есть нас.

- Отсюда и начинается поселение сурков Мензбира,— кивнул на сидящих живописными столбиками зверьков Олег Владимирович.

Сурки Мензбира — необычное название, не правда ли? Да и сами они необычные, редкие. Их открыл и описал исследователь фауны Средней Азии профессор-биолог Д. Н. Кашкаров и назвал так в честь своего учителя, преподавателя Московского университета Мензбира.

Пока мы, выбрав вблизи воды богатую травостоем лужайку, развьючили лошадей и поставили палатку, сурки заметно успокоились. Видно, поняли, что мы пришли сюда с благими намерениями. Просматривая в бинокль прилегающую к биваку местность, я обратил внимание на большую семью зверьков, заселивших у реки высокий мыс с разбросанными по нему валунами. Под лучами высокогорного солнца нежились взрослые сурки, и под их неусыпным надзором буровато-серыми колобками резвились малыши. Чтобы резко не выделяться на фоне зелени и серых камней, надеваю защитного цвета плащ, шляпу и с фоторужьем наготове иду лощинкой, в надежде приблизиться к суркам. Не тут-то было! Один из них, тот, что лежал ближе всех к нашему биваку, тут же заметил неладное и, приподняв голову, насторожился.

— Без маскировки к ним не подойти — спугнешь,— услышал я за спиной спокойный голос Алимбая.

— Догадываюсь, ты знаешь охотничью хитрость,— с робкой надеждой сказал я.

— Немного знаем.— Лесник загадочно глянул на меня и стал спускаться по косогору в лощину.— Всякий зверь боится человека,— продолжал он на ходу,— а чтобы не напугать его, нужно чуть-чуть изменить внешний вид, замаскироваться под животного. Вон видишь, лошади совсем рядом пасутся с сурками, и те их не боятся.

Подойдя ко мне, Алимбай снял с меня шляпу, отвязал свой поясной платок, повязал им мою голову узлом на лбу и, расправив тщательно концы, придал им вид длинных ушей.

- Теперь ты совсем как жеребенок,— весело заулыбался.— Нагни голову, опусти руки и потихоньку ходи туда-сюда, будто пасешься, так и подойдешь к суркам на верный «выстрел».

Смешно, правда?

Смешно — и грустно... Ну почему птица не боится больших, рогатых, кусачих (это я вспоминаю, как подобрался к сипу) — но старается держаться подальше от такого мирного и доброго двуногого? Почему сурки спокойны, когда рядом тяжело переступает копытами конь — и в панике разбегаются по норам, едва завидят человека? Как же мы виноваты перед всеми, кого так напугали...

Вот о чем я думал, когда петлял по открытой лощине, стараясь усыпить бдительность осторожных зверьков. Так, постепенно сокращая расстояние, я подошел к ним настолько близко, что нас разделяла лишь узкая полоска ручья. Опустившись в прибрежную траву, приготовил к съемке фоторужье и осторожно выглянул из-за камня. Жизнь в колонии сурков текла своим строго заведенным порядком. Пока одни кормились, рассыпавшись по всему мысу, другие стояли настороже. Один из старых и, видно, опытных сурков с густо-черной от чрезмерного загара шубкой, взобрался на узкий выступ и, развалясь на спине, уставился в бездонную синь неба, откуда чаще всего навещают колонию пернатые хищники. Фотографируя сурков, я услышал за спиной слабый отрывистый свист. Глянув вверх вершинок джунгарского коровьяка, увидел на плоском камне реликтового суслика. Это — живое ископаемое природы, дожившее до наших дней! На писк самочки из норы, устроенной под плитняком, один за другим выбрался весь выводок сусят. Занятый беззаботно греющейся на солнышке семьей, я не заметил, как из-за вершины горы выплыл беркут. С шумом рассекая воздух, он устремился к суркам. Беспечно лежавший на выступе сторож вовремя заметил пернатого хищника, издал

пронзительный крик, и все обитатели колонии заспешили к норам. Часть сурчат в растерянности замерла на месте, слившись своей окраской с буровато-серыми камнями. Хищник пронесся над мысом и, не заметив хитрецов, улетел ни с чем.

Сурки прошлогоднего помета и постарше при частых приемах солнечных ванн приобретают черно-бурую окраску, а иногда черный цвет — «пустынный загар». Своей ярко выраженной краской они четко выделяются на фоне светло-бурых камней, чем и привлекают к себе хищников. Только осторожность и ловкость помогают им избежать когтей пернатых налетчиков. Так своим внешним видом и предостерегающим криком сурки оберегают подрастающее потомство. Этой защитной особенностью сурков пользуются реликтовые суслики, зачастую поселяясь в близком соседстве с ними. Единственное место в мире, где обитает сурок Мензбира, занесенный в Красную книгу СССР, — отроги Западного Тянь-Шаня на высоте 2500—3200 м над уровнем моря.

Втром, покинув бивак, я пошел вверх по реке в надежде добраться до высокогорного озера. Не прошел и двух километров как впереди длинной тенью мелькнул какой-то зверь. Я — за валун. Осматривая в бинокль залитый солнцем склон, увидел, как из-за выступа скалы с кошачьей осторожностью вышел **снежный барс**. Поводя усами и нервно подергивая кончиком пятнистого хвоста, он с вожделием поглядывал на центральноазиатских горных козлов, пасущихся на противоположном берегу Ташкескенсая. Гибкий, ловкий зверь, сливаясь серовато-белесой окраской с фоном заснеженных скал, незаметно пробрался по каменистому завалу к реке. Собравшись в тугую пружину, он оттолкнулся от берега и в легком красивом прыжке перескочил пенящийся горный поток. Обладая мягкими, плавными движениями, приземистый зверь змеей прополз среди нагромождения камней, вышел наперерез козлам. Затаился за кустиком арчи, терпеливо ждал, когда неосторожная жертва приблизится к нему на расстояние верного прыжка.

В поисках корма безобидные животные медленно передвигались вдоль заснеженного склона, срывая на ходу проступившую траву. Идущий впереди вожак с могучими саблевидными рогами, направляясь к кусту арчи, вдруг замер как вкопанный. Из засады, ошеломив внезапно нападения пасущихся козлов, высверкнул снежный барс. Громко фыркнув, вожак все же успел предупредить стадо о грозящей опасности, а сам, увернувшись от прыжка барса, помчался прочь. Если бы чуткий и опытный козел не заметил след-дорожку, проложенную зверем на снежном островке, быть ему в когтях коварного хищника. Ошеломленный неудавшейся охотой, барс не стал преследовать ускользнувшую добычу. Словно ветер, горные козлы умчались к нависшей над рекой скале и, как прирожденные альпинисты, легко взобрались по уступам на безопасную высоту. Проводив свирепым взглядом убежавшую добычу, барс спустился к реке и берегом направился к скале, где на полочках-карнизах красивыми изваяниями застыли козлы.

Пройдет немного времени — и все повторится: козлы, успокоившись, спустятся за кормом, и барс тут как тут...

На седьмой день пути мы вступили в пределы самой высокой части заповедника — в высокогорный пояс. Здесь не было слышно пения птиц, а скудная, еле приметная растительность в виде колючих подушечников, придавала всему окружающему вид настоящей пустыни. Лишь звонкоголосые ручьи нарушали покой задумчивых вершин Чаткальского хребта.

Седьмой день — день последний нашего путешествия...

ад горами бушевала гроза, а здесь, в предгорной тиши, сверкало горячее июньское солнце. Тропа, увлекая ввысь, долго петляла по лабиринтам щербенистых адыров и, наконец, привела к вершине тенистого распадка. Из-под нависшей над тропой скалы змеился родничок, вливаясь в заросшую травой мочажинку. утолив жажду, я присел в тени, осмотрелся. К щедрому родничку, возле которого с годами образовался своеобразный микрооазис, слеталось множество разноцветных бабочек. Среди них ярко-пестрой окраской и большими размерами выделялись махаоны с длинными рожками на концах крылышек.

Залюбовавшись полетом этих красавиц, я не сразу заметил, как снизу со стороны реки прилетела яркая птица, в которой узнал райскую мухоловку. Схватив на лету махаона, она мгновенно исчезла с ним в прибрежных зарослях. Не прошло и минуты, как мухоловка появилась снова, схватила за крыло большую перламутровку.

Удивительная птица! Как тут не задуматься: почему она не склевывает белянок, голубянок, боярышниц во множестве порхающих над мочажинкой, а подавай ей только изредка мелькающих махаонов и перламутровок? Может быть, мухоловку привлекает яркий рисунок или большие размеры?

Приметив ивняк, куда только что шмыгнула с очередной жертвой райская мухоловка, я поспешил туда, перескакивая с камня на камень, среди которых шумел и пенился Башкызылсай.

Несмотря на сверкающий полдень, на тенистом берегу было прохладно. Близкий шум воды не давал возможности насладиться разноголосым пеньем птиц. А сколько их на противоположном берегу в ореховой роще! Индийские воробьи умудрились пост-•роить на высокоствольных тополях гнезда-муфты в шесть, а то и в двенадцать «этажей». Стараясь накормить прожорливое потомство, они беспрерывно летали на буйно заросший травой склон, где запросто ловили саранчу канофиму, серых и зеленых кузнечиков. На макушке одиноко стоявшего тополя свили гнездо иволги. Пронзительный крик, похожий на кошачий визг, далеко разносился по горам. Подросшие и окрепшие птенцы иволг выбрались из тесного дома-гнезда, бледно-желтыми цветами сидели рядом, не осмеливаясь на первый полет. Вот над рекой слегка качнулась ветка ивы. Смотрю сквозь листву и вижу подвешенное гнездо-рукавичку с недовязанным большим пальцем, в которое только что юркнула крохотная птичка-ремез. А вон чуть ниже по реке, у самой воды вторая рукавичка, искусно сотканная из растительного пуха. Но что это? Она не с одним, а с двумя недовязанными пальцами, которые служат ремезам входами-летками. Позже местный лесник объяснит мне, в чем дело: «поссорились, а тут нате вам прибавление в семействе, вот и сделали птички-невелички каждая для себя отдельный вход, чтобы без всяких ссор вывести потомство. Вырастят птенцов — тогда можно разлетаться».

В глубине тенистых зарослей наконец-то мелькнула райская мухоловка. За ней другая. И тут сквозь шум воды я уловил отчаянный крик кем-то потревоженных птиц. Подобрался поближе, затаился среди нагромождения камней, терпеливо наблюдаю: что случилось? Внимательно приглядевшись к вишне-магалебке, вокруг которой челноком сновали мухоловки, я увидел: обвив спиралью ствол дерева, к гнезду-кулёчку, подвешенному к концу ветки, медленно ползет разноцветный полоз.

Специалисты-герпетологи утверждают, что все змеи плохо слышат и плохо видят. Что же помогает им находить добычу даже на большой высоте?

С помощью многочисленных чешуек полоз добрался по стволу до ветки, на которой висело гнездо, и, словно в раздумье, замер. Раздвоенным на конце языком он определил место расположения добычи, пополз к ней. Под тяжестью полуметровой змеи резко качнулась ветка, а с ней и гнездо, отчего птенцы раскрыли широкие клювы. Видать, посчитали, глупые, это родители прилетели кормить их. По тонкой, заметно клонившейся к земле ветке толстый полоз не мог добраться до гнезда. Свернувшись кольцом, он скользнул вниз к кулечку. Мухоловки отчаянно запищали. Преодолев страх, они набросились на змею, та сделала неосторожное движение, ветка согнулась до предела, и из гнезда разом вывалились все четыре птенца-слетка. Беспомощно хлопая крылышками, они разлетелись в разные стороны и затаились в листве.

Тот продолжал обследовать с помощью языка торчавшее кверху дном уже пустое гнездо. Не успел я подойти к нему, как он то ли почувствовал опасность, то ли, убедившись в том, что охота не удалась, шлепнулся на землю и в один миг исчез под обломками скалы.